

ИЗМЕРЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕСТАБИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ТИПЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И ИХ СВЯЗЬ С СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ФАКТОРАМИ*

Елена Викторовна Слинько

Центр исследований международного информационного агентства «Россия сегодня»;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кира Владимировна Мещерина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

Сергей Георгиевич Шульгин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Юлия Викторовна Зинькина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Станислав Эдуардович Билюга

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Андрей Витальевич Кортаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

В статье разрабатывается типология нестабильности на основе количественного анализа. При помощи метода главных компонент были выделены четыре типа дестабилизации: (1) массовая дестабилизация, которая предполагает преимущественно насильственные массовые выступления; (2) резкая смена режима, преимущественно через перевороты; (3) насильственная дестабилизация, например террористические атаки (4); внутриэлитная дестабилизация, интенсивность которой варьируется от поли-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

тических кризисов до убийств и переворотов. Анализ связи социально-политических и экономических показателей с четырьмя типами нестабильности показывает, что для каждого типа дестабилизации характерны свои социально-политические условия, способствующие риску ее возникновения. Проведенный нами анализ показывает, что различные социально-политические характеристики по-разному влияют на различные типы дестабилизации. Фактически только такой параметр, как тип режима, оказался значимым для всех четырех типов, причем один из них – факциональная демократия – явился хорошим предиктором высокого уровня нестабильности для всех четырех типов. В свою очередь, автократии наиболее подвержены переворотам по сравнению с другими типами нестабильности, однако имеют относительно низкий риск массовой дестабилизации. Доля молодого населения положительно влияет на насильственную и внутриэлитную дестабилизацию, но отрицательно – на риск резкой смены режимов и оказывается незначимым фактором для массовой дестабилизации. Это говорит о необходимости разработки различных моделей для разных типов нестабильности.

Несмотря на широкое использование в специальной и массовой литературе, понятие политической нестабильности является крайне неоднозначным. Содержание термина может варьироваться от кризисов политических институтов (например, роспуска парламента) до полномасштабных гражданских войн. Иногда единственным, что объединяет разные трактовки, является понимание, что все разнообразные явления политической нестабильности направлены против существующей власти и в большей или меньшей степени ослабляют ее. Однако очевидные различия в причинах возникновения нестабильности, ее интенсивности, степени угрозы для центральной власти заставляют исследователей разрабатывать типологии политической нестабильности. Это особенно актуально при использовании количественных методов, так как моделирование нестабильности предполагает наличие достаточно четкого определения, поддающегося операционализации. Поэтому первой целью данной статьи являются сведение многочисленных явлений к ограниченному числу факторов и построение на этой основе индексов, которые могут быть использованы для моделирования дестабилизации.

Второй целью является стремление понять, существует ли связь между отдельными стойкими характеристиками политического, социального и экономического устройства страны и разными типами нестабильности. В работах были исследованы многие такого рода факторы, а именно ВВП на душу населения, рост ВВП, тип режима, доля людей в молодом возрасте («молодежные бугры»), уровень образования, различные показатели модернизации, такие как уровень урбанизированности, доля населения, занятого в промышленности, услугах и др., которые могут влиять на уровень дестабилизации (Гринин, Коротаев 2009; Малков и др. 2013; Рейтер, Ганди 2015; Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; 2017; Гринин 2017; Васькин и др. 2018; Gleditsch *et al.* 2009; Wang *et al.* 1993; Mueller 2017; Nefedov 2015; Ortmans *et al.* 2017; Richardson 2011; Korotayev *et al.* 2011; Abadie 2006; Annett 2001; Acemoglu *et al.* 2001; Slinko *et al.* 2017; Grinin *et al.* 2018). Мы ожидаем, что эти факторы будут по-разному связаны с разными типами нестабильности.

К настоящему времени было предпринято заметное количество попыток типологизации дестабилизационных процессов. Прежде всего дестабилизационные процессы делят на межгосударственные и внутригосударственные (внутриполитические); при этом дестабилизационные процессы понимаются как любые проявления актов насилия, возникновение конфликтных ситуаций и социально-политических потрясений (см., например: Flanigan, Fogelman 1970; Hibbs 1973; Gurr, Lichbach 1986; Alesina *et al.* 1996; Benson, Kugler 1998; Naan 2007; Jong-A-Pin 2009; Celestino, Gleditsch 2013; Klomp, Naan 2013). В нашей статье мы будем рассматривать только внутригосударственную социально-политическую дестабилизацию.

Существуют различные определения, применяемые для описания внутриполитических дестабилизационных процессов. Большое число исследователей используют сочетание «политическая нестабильность» (*political instability, political unrest*), связывая его с вероятностью краха политических институтов, смены правительства или режима, резкого роста активности оппозиции (Gurr 1970; Alesina *et al.* 1996; Benson, Kugler 1998; Svensson 1998; Celestino, Gleditsch 2013). Другие же оперируют понятием «политическое насилие» (*political violence*), которое включает в себя революции, восстания, мятежи, гражданские войны, массовые беспорядки, политические перевороты и др. (Flanigan, Fogelman 1970; Benson,

Kugler 1998; Choi, Raleigh 2015). Помимо этого, имеются работы, в которых дестабилизационные процессы обозначаются также как «конфликты», а именно: «политические конфликты» (*political conflicts*), «внутренние конфликты» (*internal conflicts*), «вооруженные конфликты» (*armed conflicts*) и т. п. (Gurr, Lichbach 1986; Choi, Raleigh 2015). При этом нередко конфликты рассматриваются не как отдельные случайные события – революция, переворот или некоторое число массовых беспорядков, – а как результат долгого процесса дестабилизации, состоящего из череды конфликтных событий (Gurr, Lichbach 1986).

Часть исследователей используют типологизацию по типу насильственности. Так, М. Селестино и К. Гледич (Celestino, Gleditsch 2013) отмечают, что различные формы протеста и силовые акции могут приобретать насильственные/ненасильственные формы (*violent/non-violent actions*). В качестве ненасильственных форм авторы выделяют: демонстрации, акции бойкота / «кампании неучастия» (*demonstrations, boycotts / non-cooperation campaigns*).

Т. Гурр и М. Лихбах (Gurr, Lichbach 1986) различают два вида конфликта: протесты и восстания. Первый тип – протесты (*protests*) представляют собой достаточно массовые, но относительно краткосрочные и преимущественно ненасильственные реакции в ответ на действия и политику власти и проявляются в форме демонстраций, столкновений, беспорядков и забастовок. Второй же тип – восстания (*rebellions*) – являет собой достаточно продолжительный вооруженный конфликт между властью и оппозицией. Похожая схема типологизации встречается в исследовании Э. Вида и Э. Маллера (Weede, Muller 1998). Авторы категоризируют отдельно восстания (*rebellions*) и революции (*revolutions*). При этом категория «восстания» включает в себя несколько типов – народное восстание (*mass rebellion*), восстание элит (*elite rebellion*), военный бунт (*military rebellion*).

В некоторых исследованиях выстроена типология по степени насильственности процессов дестабилизации (Flanigan, Fogelman 1970; Benson, Kugler 1998). М. Бенсон и Дж. Куглер (Benson, Kugler 1998) строят индекс на основе пятизначной шкалы насильственности (*violence scale*):

- отсутствие актов насилия;
- низкая степень (небольшая оппозиционная активность, возможные попытки переворота);
- средняя (ненасильственные перевороты или вторжения);
- сильная (партизанские действия и насильственные формы смены власти; в качестве актора при этом может выступать народ в целом);
- очень сильная (гражданские войны).

Исследователи В. Фланиган и Э. Фогельман (Flanigan, Fogelman 1970) категоризируют нестабильность схожим образом, отмечая, что гражданские войны являются наиболее дестабилизирующим видом событий.

Как мы видим, основой для классификации типов нестабильности могут служить: степень насильственности (число жертв), основные акторы (конфликт внутри элиты или, например, конфликт центральной власти и вооруженных групп), масштаб (число участников), использование оружия и т. д. Наличие многочисленных возможных основ для классификации стимулировало разработку типологии нестабильности, основанной на количественных методах.

Так, достаточно рано были предприняты попытки провести анализ главных компонент, чтобы выделить основные типы нестабильности (Tanter 1966; Hibbs 1973). В ранних работах при помощи метода главных компонент были выделены два фактора, характеризующих политическую нестабильность: «аномическое насилие» (*anomic violence*), включавшее бунты, антиправительственные забастовки и демонстрации, и «гражданская война», объединившая вооруженные нападения, убийства и смерть вследствие политического насилия. Анализ был сделан на относительно небольшом периоде (1948–1967).

Вопросы типологизации на какое-то время отошли на второй план, уступив место работам, посвященным отдельным типам политической нестабильности. Однако в 1990-х гг. с увеличением числа эконометрических работ интерес к разработке более общих индексов социально-политической нестабильности существенно вырос. Так, для построения индекса использовался дискриминантный анализ (Gupta 1990; Venieris, Gupta 1986) и анализ главных

компонент (Alesina, Perotti 1996; Annett 2001). В работе А. Алесины и соавторов (Alesina *et al.* 1996) понимание нестабильности как смены исполнительной власти противопоставляется подходу, при котором при помощи количественных методов разрабатывается индекс, учитывающий разные стороны нестабильности. В этой работе (*Ibid.*) для построения индекса социально-политической дестабилизации используется также тип режима в виде фиктивной переменной DICT. Введение этой переменной поясняется тем, что автократии чаще являются жертвами экстремистов, чем демократии, иначе говоря, имплицитно предполагается, что определенные типы режимов склонны к определенному типу нестабильности. Другие вошедшие в индекс переменные включают в себя убийства, число смертей, удачные и неудачные перевороты, – всего их пять. В качестве индекса социально-политической нестабильности была взята первая компонента, полученная в результате анализа главных компонент. Плюсом подобных исследований была более строгая операционализация понятия «нестабильность» и выработка более общего подхода, минусом – сведение нестабильности к одному индексу и игнорирование сложности явления.

Более развернутая типология, учитывающая различия между типами нестабильности, дана в работе Р. Йонг-а-Пина (Jong-a-Pin 2009). На основе факторного анализа (*exploratory factor analysis*) с наклонным вращением (*oblimin*) автор выделяет четыре типа политической нестабильности:

- 1) массовые (гражданские) протесты;
- 2) агрессия по политическим мотивам;
- 3) нестабильность политических институтов;
- 4) нестабильность политического режима.

К фактору «агрессия по политическим мотивам» были отнесены гражданская война, партизанские действия, революции, убийства, внутренние конфликты, этнические конфликты, к фактору «массовые протесты» – демонстрации, массовые беспорядки и забастовки. Забастовки получили высокую нагрузку также в факторе «нестабильность политических институтов» наряду с фракционализацией, числом лет правящей партии у власти, поляризацией общества, числом выборов, правительственными кризисами. Нестабильность политического режима характеризуется значительными

конституционными изменениями, переворотами, изменениями режима, сменой правительства и религиозными конфликтами. Если сравнить получившиеся факторы с факторами в работе Д. Хиббса (Hibbs 1973), то станет очевидно, что один из них совпадает полностью, – это «массовые протесты», а второй («гражданская война») примерно соответствует фактору «агрессия по политическим мотивам» в типологии Р. Йонг-а-Пина (Jong-a-Pin 2009). Так как целью работы Йонг-а-Пина было определить влияние политической нестабильности на экономический рост, то некоторые индикаторы, участвующие в построении индексов, напрямую отражают особенности скорее политического режима, чем нестабильности. Так, например, фракционализация (раздробленность по этническому или географическому признаку) законодательных и исполнительных органов власти является по отношению к социально-политической дестабилизации скорее независимой переменной, чем ее составляющей; это больше один из важных факторов, детерминирующих дестабилизацию, а не одна из сторон дестабилизации. Стабильность режима также скорее характеризует тип режима (*Ibid.*).

Косвенно в пользу наблюдения, что фактор «нестабильность политического режима» является скорее условием, способствующим возникновению определенного типа нестабильности, а не типом нестабильности, говорит тот факт, что только этот фактор положительно коррелирует с двумя другими: «массовые протесты» и «политически мотивированная агрессия», все другие факторы никак не связаны между собой.

Материалы и методы

Так как целью нашей работы является исследование связи политической нестабильности и различных социально-политических характеристик, включая тип режима, для построения индексов социально-политической нестабильности мы использовали меньшее число индикаторов, исключив те, которые могут непосредственно характеризовать политический режим или (тем более) на основе которых строится определение политического режима.

Основная информация для построения индексов была взята из базы данных *Cross-National Time-Series Database (CNTS)* (Banks,

Wilson 2018). Всего в этой базе содержится информация по восьми индексам дестабилизации: перевороты и попытки переворотов, политические забастовки, массовые беспорядки, антиправительственные демонстрации, партизанские действия, политические убийства, политические кризисы, политические репрессии. Показатели «число террористических атак» был взят из базы *Global Terrorism Database (GTD)* (START 2018). Показатели «число переворотов» и «число неудавшихся переворотов» – из базы по переворотам *Coups d'Etat 1946–2017* (Center for Systemic Peace 2018).

Результаты

Для выделения основных компонентов/типов нестабильности был использован метод анализа главных компонент.

Чтобы извлечь адекватное число главных компонент, мы используем критерий Кайзера, согласно которому собственное значение должно быть больше единицы, а также график каменистой осыпи (Cattell 1966). В данном случае таких компонент всего четыре, убывание собственных значений резко замедляется после четвертой точки, поэтому достаточно оставить четыре главные компоненты / четыре фактора (см. Табл. 1 и Рис. 1):

Табл. 1. Собственные значения компонент

Компонента	Собственное значение
1	2,56
2	1,95
3	1,39
4	1,02
5	0,91
6	0,84
7	0,82
8	0,67
9	0,64
10	0,51
11	0,41
12	0,28

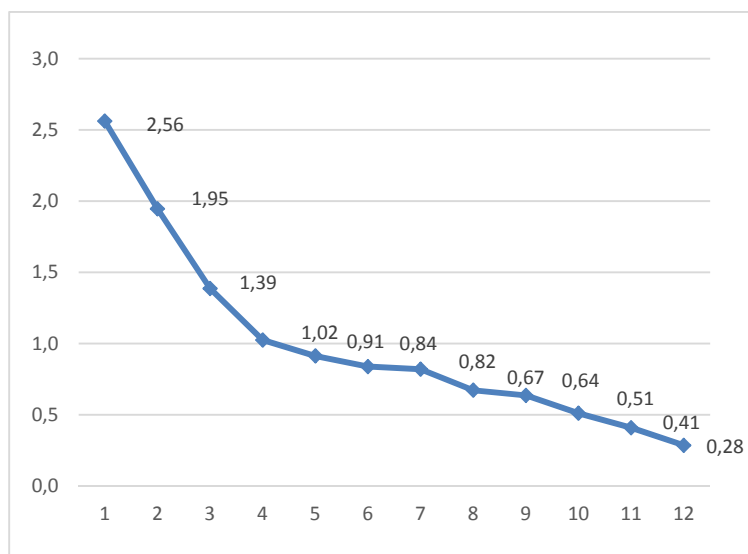

Рис. 1. График собственных значений

Анализ главных компонент с вращением варимакс дал следующие результаты (см. Табл. 2):

Табл. 2. Факторные нагрузки четырех компонент*

Индикатор дестабилизации	RC1	RC2	RC3	RC4
Перевороты и попытки переворотов	0,53			0,46
Перевороты	0,88			
Неудавшиеся перевороты	0,89			
Политические забастовки		0,67		
Беспорядки		0,83		
Антиправительственные демонстрации		0,84		
Партизанские действия			0,79	
Террористические атаки			0,84	
Политические убийства			0,43	0,56
Политический кризис				0,65
Политические репрессии				0,58
Смена режима	0,49			
Собственные значения	2,56	1,95	1,39	1,02
Доля дисперсии	0,18	0,16	0,13	0,12
Кумулятивная дисперсия	0,18	0,33	0,46	0,58

Примечание: * значения меньше 0,3 были удалены.

Для первой компоненты высокие нагрузки имеют индикаторы переворотов, а также смены режима, эта компонента близка фактору «нестабильности политических институтов» в исследовании Р. Йонг-а-Пина (Jong-a-Pin 2009). Однако, на наш взгляд, основным является здесь не нестабильность политических институтов в целом, а попытка резкой смены власти преимущественно путем переворотов, поэтому мы назовем данный фактор «смена режима» (отметим, что при этом смена режима в большинстве случаев не сопровождается сменой типа режима).

Вторая компонента полностью совпадает с ранее полученным результатом в исследовании Д. Хиббса (Hibbs 1973) и Р. Йонг-а-Пина (Jong-a-Pin 2009), в целом в нее включены массовые выступления, которые могут содержать отдельные акты агрессии, но не приводят к масштабному насилию, ее можно назвать также «массовая относительно ненасильственная дестабилизация» (для краткости – «массовая дестабилизация»).

Третий тип нестабильности включает индикаторы, которые связаны с максимальной степенью насилия – террористические атаки, партизанские действия и убийства; общим здесь является высокая степень насилия, поэтому назовем этот фактор «насильственная дестабилизация».

И, наконец, мы имеем дело с такой дестабилизацией, которая предполагает раскол элит; масштаб раскола при этом может варьироваться от политического кризиса до репрессий, переворотов и смены режима («внутриэлитная дестабилизация»).

Динамика всех четырех типов дестабилизации представлена на Рис. 2. Если посмотреть на графики, то обращает на себя внимание резкий рост насильственной и массовой дестабилизации (с заметным лагом первой относительно второй) начиная с 2011 г., что явно указывает на структурный сдвиг. Он обусловлен событиями Арабской весны (см. предыдущую статью в этом выпуске [Коротаев и др. 2018], а также, например: Акаев *et al.* 2017; Korotayev *et al.* 2018), и этот отрезок необходимо рассматривать отдельно. Поэтому при выяснении влияния социально-политических факторов на насильственную и массовую дестабилизацию мы ограничимся в данной статье периодом с 1950 по 2010 г. включительно.

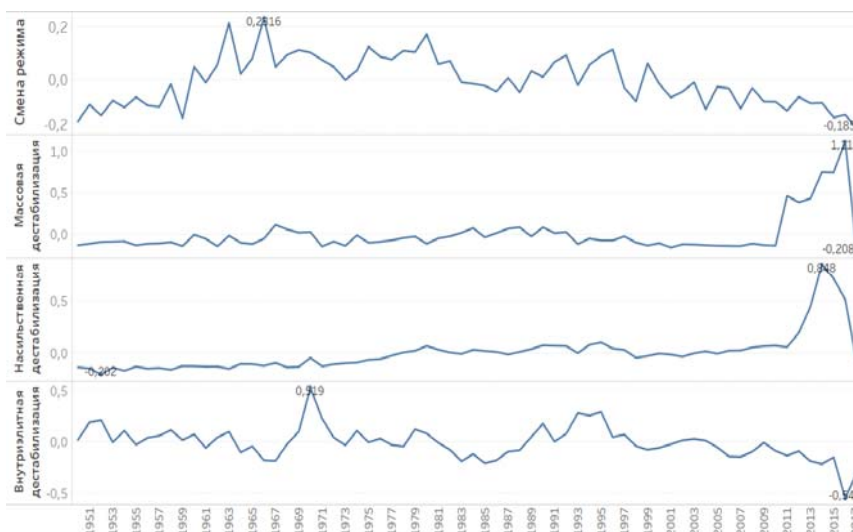

Рис. 2. Динамика четырех типов дестабилизации (1950–2017 гг.)

Если рассмотреть топ-10 стран (Табл. 3), которые получили наибольшее значение по четырем типам дестабилизации, то можно отметить четыре особенности: 1) страны повторяются в списках не более двух раз; это значит, что существует характерный именно для них тип дестабилизации, и возникновение одного типа неизбежно влечет за собой возникновение другого; 2) семь из десяти стран по фактору массовой дестабилизации – это последовательные демократии, можно предположить, что данный тип режима в этих странах благоприятствует возникновению определенного типа нестабильности; 3) в случае внутриэлитной дестабилизации пять из десяти стран являются латиноамериканскими; значит, здесь можно предположить наличие региональных особенностей; 4) три верхние строчки в рейтинге стран, подверженных риску насильственной дестабилизации, занимают государства, относящиеся к Африканской зоне нестабильности.

Табл. 3. Топ-10 самых нестабильных стран по четырем типам дестабилизации

Перевороты		Насильственная		Массовая		Внутри-элитная	
Таиланд	0,98	Ирак	2,77	Индия	3,51	Аргентина	1,68
Судан	0,87	Афганистан	1,59	США	2,13	Боливия	1,00
Боливия	0,73	Пакистан	1,45	Франция	1,29	Бразилия	1,06
Сирия	0,73	Колумбия	1,45	Италия	1,23	Колумбия	1,34
Бурунди	0,73	Украина	1,04	ЮАР	1,06	Гватемала	1,37
Сьерра-Леоне	0,72	Индия	0,96	Аргентина	1,00	Иран	0,81
Чад	0,70	Филиппины	0,77	Греция	0,91	Италия	1,46
Афганистан	0,65	Сальвадор	0,73	Китай	0,84	Ливан	0,97
Ирак	0,65	Сомали	0,64	Испания	0,78	Пакистан	0,78
Конго (Дем. Респ.)	0,64	Гватемала	0,59	Бангладеш	0,74	Турция	0,84

Связь социальных, экономических и политических факторов с разными типами дестабилизации

Из проведенного короткого анализа стран, имеющих самые высокие показатели по разным типам нестабильности, становится ясно, что типы нестабильности связаны с другими характеристиками исследуемых систем. Связь экономических (ВВП на душу населения, индекс Джини, рост ВВП), социальных (таких как охват населения образованием, число лет обучения), демографических (уровень младенческой смертности, ожидаемая продолжительность жизни), политических (наличие расколов внутри элит, тип режима) характеристик, как уже указывалось выше, рассматривалось во многих исследованиях. Но так как само понятие нестабильности является неоднозначным, важно рассмотреть, как и в какой степени все эти факторы связаны с возникновением разных типов нестабильности.

При первичном отборе переменных, связь которых с нестабильностью нам хотелось протестировать, мы руководствовались следующими соображениями: во-первых, включение переменной должно было иметь теоретическое обоснование (так, например, основанием для включения переменной «доля населения в возрасте 15–24 лет» была теория «молодежных бугров», согласно которой молодежь является «горючим материалом» революций и увеличе-

ние доли молодежи в составе населения может способствовать возникновению дестабилизации), во-вторых, включение переменной не должно было приводить к мультиколлинеарности (например, уровень младенческой смертности, который используется во многих работах вместо показателя ВВП на душу населения, не был включен, так как он имеет слишком высокий показатель корреляции с переменной «ожидаемая продолжительность жизни»).

Итак, для анализа связи различных устойчивых характеристик стран и типа нестабильности были выбраны следующие переменные: 1) переменные, связанные с состоянием экономики и уровнем жизни: ВВП на душу населения, коэффициент Джини, ожидаемая продолжительность жизни (часто используется как косвенный показатель уровня жизни), уровень безработицы; 2) переменные, которые являются показателями уровня модернизации: доля городского населения, доля промышленности в ВВП, доля занятых в промышленности; 3) демографические переменные: численность населения, доля населения в возрасте от 15 до 24 лет, число зачисленных в вузы; 4) тип режима. Для операционализации понятия «тип режима» использовался метод, предложенный Дж. Голдстоуном и др. (Goldstone *et al.* 2010). Согласно этому методу были выделены пять типов режимов по принципу рекрутирования во власть и по уровню состоятельности политического участия: последовательные автократии, частичные (непоследовательные) автократии, факциональные демократии**, частичные (непоследовательные) демократии, последовательные (консолидированные) демократии. Информация по типу режима была взята нами из базы данных *Polity IV* (Polity IV Project 2018), экономические и демографические переменные – из базы данных Всемирного банка (World Bank 2018), Отдела народонаселения ООН (UNPD 2018) и *CNTS* (Banks, Wilson 2018).

Проведенный F-тест для всех моделей показал, что эффекты, связанные со странами и годами, значимы, соответственно модель с фиксированными эффектами лучше, чем линейная модель с использованием МНК. Выбор переменных был проведен с использованием пошаговой регрессии на основании критерия *AIC*, в табли-

** Под факциональными подразумеваются демократии, где разделение политических сил идет не по идеологическому (левые – правые), а по географическому, клановому или религиозному принципу, например, шииты – сунниты.

цах представлены только отобранные значимые переменные. Все переменные, включая зависимую, представлены в логарифмической форме.

Перевороты

Автократии наиболее подвержены резкой смене режима, преимущественно через перевороты (см. Табл. 4). Понижает риск резкой смены режима более высокая ожидаемая продолжительность жизни, более высокая доля промышленности в ВВП, доля занятых в промышленности и доля населения в возрасте 15–24 лет.

Табл. 4. Результаты регрессионного анализа, зависимая переменная – «смена режима»

Зависимая переменная – «смена режима»	Коэффициент	Ст. отклонение	t-значение	Значимость
Тип режима				
Непослед. автократии	0,00	0,01	–0,46	0,65
Факциональные демократии	–0,05	0,01	–5,70	< 0,001
Непослед. демократии	–0,05	0,01	–5,67	< 0,001
Демократии	–0,05	0,01	–3,56	< 0,001
Ожидаемая продолжительность жизни	–0,11	0,02	–4,89	< 0,001
Доля промышленности в ВВП	–0,03	0,01	–2,27	0,02
Доля населения в возрасте 15–24 лет	–0,06	0,02	–2,88	0,003

Примечание: $R^2 = 0,0853$; скорректированный $R^2 = 0,06528$; F-статистика: 4,26, 178 и 8131 ст. свободы, значимость $< 2,2 \times 10^{-16}$.

Массовая дестабилизация

Массовая дестабилизация (см. Табл. 5) в автократических режимах находится на минимальном уровне по очевидным причинам (массовые выступления в этих режимах находятся под запретом), отрицательно на риск массовых выступлений влияет более высокий ВВП на душу населения и более низкий коэффициент Джини. Как отмечалось ранее, топ стран с максимальным значением индекса массовой дестабилизации – это именно демократические страны, где индекс Джини в среднем ниже, чем у других государств. Повышает вероятность массовой дестабилизации более высокая доля городского населения, что также характерно для «старых» демо-

кратий. Тот факт, что риск дестабилизации этого типа снижается с ростом ВВП, объясняется тем, что факциональные демократии, которые имеют самый высокий индекс, имеют также в среднем более низкий ВВП по сравнению со «старыми» демократиями.

Табл. 5. Результаты регрессионного анализа, зависимая переменная – «массовая дестабилизация»

Зависимая переменная – «массовая дестабилизация»	Коэффициент	Ст. отклонение	t-значение	Значимость
Тип режима				
Непослед. автократии	0,03	0,01	5,23	< 0,001
Факциональные демократии	0,06	0,01	8,38	< 0,001
Непослед. демократии	0,06	0,01	8,76	< 0,001
Демократии	0,04	0,01	5,79	< 0,001
ВВП на душу населения	-0,01	0,00	-3,19	0,001
Коэффициент Джини	-0,03	0,01	-3,86	< 0,001
Доля городского населения	0,02	0,00	4,57	< 0,001

Примечание: $R^2 = 0,04085$; скорректированный $R^2 = 0,03204$; F-статистика = 4,635, 67 и 7291 ст. свободы, значимость $< 2,2 \times 10^{-16}$.

Насильственная дестабилизация

Наиболее подвержены риску возникновения насильственной дестабилизации факциональные и непоследовательные демократии (см. Табл. 6). Также повышают риск возникновения дестабилизации этого типа большой размер населения и доля молодого населения. Положительное влияние последней подтверждает теорию, согласно которой молодежь является «горючим материалом» для дестабилизационных процессов. Интересно, что этот фактор оказался незначимым для массовых выступлений, то есть вполне возможно, что «молодежный бугор» играет существенную роль именно в процессах насильственной дестабилизации.

Табл. 6. Результаты регрессионного анализа, зависимая переменная – «насильственная дестабилизация»

Зависимая переменная – «насильственная дестабилизация»	Коэффициент	Ст. отклонение	t-значение	Значимость
Тип режима				
Непослед. автократии	0,01	0,01	2,09	0,04
Факциональные демократии	0,04	0,01	5,48	< 0,001
Непослед. демократии	0,01	0,01	1,93	0,05

Окончание Табл. 6

Зависимая переменная – «насильственная дестабилизация»	Коэффициент	Ст. отклонение	t-значение	Значимость
Демократии	0,01	0,01	1,11	0,27
Коэффициент Джини	-0,04	0,01	-3,27	0,001
Ожидаемая продолжительность жизни	0,04	0,02	1,75	0,08
Доля населения в возрасте 15–24 лет	0,07	0,02	4,77	< 0,001
Число зачисленных в вузы	-0,005	0,00	-2,09	0,04

Примечание: остаточная ошибка: 0,1228, 8067 ст. свободы; $R^2 = 0,1499$; скорректированный $R^2 = 0,1244$; F-статистика: 5,877, 242 и 8067 ст. свободы, значимость $< 2,2 \times 10^{-16}$.

Внутриэлитная дестабилизация

Для внутриэлитной дестабилизации оказались значимыми всего два фактора – принадлежность режима к факциональному типу и доля населения в возрасте 15–24 лет (см. Табл. 7), это говорит о необходимости поиска дополнительных факторов, которые могут влиять на данный тип дестабилизации. Факторы, которые мы рассматриваем, имеют отношение к социально-политическим и демографическим процессам в странах в целом, а в случае данного типа дестабилизации, скорее всего, надо искать факторы, влияющие на действия именно элит. В любом случае хорошим предиктором является тип режима – факциональные демократии, который по большому счету и указывает на раскол внутри элит по национальному, географическому и любому другому «не идеологическому» принципу.

Табл. 7. Результаты регрессионного анализа, зависимая переменная – «внутриэлитная дестабилизация»

Зависимая переменная – «внутриэлитная дестабилизация»	Коэффициент	Ст. отклонение	t-значение	Значимость
Тип режима				
Непослед. автократии	<0,01	0,01	0,48	0,63
Факциональные демократии	0,02	0,01	3,18	<0,01
Непослед. демократии	0,01	0,01	1,53	0,13
Демократии	<0,01	0,01	-0,22	0,83
Доля населения в возрасте 15–24 лет	0,03	0,02	2,14	0,03

Примечание: $R^2 = 0,11$; скорректированный $R^2 = 0,085$; F-статистика: 4,238, 241 и 8068 ст. свободы, значимость: 0,00069.

Итак, различные социально-политические характеристики по-разному влияют на разные типы дестабилизации. Фактически только такой параметр, как тип режима, оказался значимым для всех четырех типов, причем один из них – факциональная демократия – явился хорошим предиктором высокого уровня нестабильности для всех четырех типов. В свою очередь, автократии наиболее подвержены переворотам по сравнению с другими типами нестабильности, однако имеют низкий индекс массовой дестабилизации. Доля молодого населения положительно влияет на насильственную и внутриэлитную дестабилизацию, но отрицательно – на фактор резкой смены режимов и оказывается незначимой для массовой дестабилизации. Это говорит о необходимости разработки различных моделей для разных типов нестабильности.

Следующим шагом в исследовании различных типов нестабильности может стать расширение числа независимых переменных для анализа, исследование изменений типов нестабильности во времени, а также учет региональных особенностей. Очевидно, что регионы имеют свою специфику и для них характерны определенные виды нестабильности, хотя преобладающий тип может изменяться в результате социальных, политических и экономических потрясений.

Библиография

- Васькин И. А., Цирель С. В., Коротаев А. В. 2018.** Экономический рост, образование и терроризм. *Социологический журнал* 24(2): 28–65.
- Гринин Л. Е. 2017.** Русская революция и ловушки модернизации. *Полис. Политические исследования* 4: 138–155.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009.** Урбанизация и политическая нестабильность: к разработке математических моделей политических процессов. *Полис. Политические исследования* 4: 34–52.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2016.** ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика* 4(26): 72–94.
- Коротаев А., Васькин И., Билюга С. 2017.** Гипотеза Олсона – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 16(1): 9–49.

- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2016.** Арабская весна как квазисуперкритическое явление? *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном контексте: ежегодник* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 127–156.
- Коротаев А. В., Медведев И. А., Шульгин С. Г., Слинко Е. В., Блюга С. Э., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Дербилова Е. В., Зинькина Ю. В., Романов Д. М. 2018.** Системы глобального мониторинга рисков социально-политической дестабилизации: опыт систематического обзора. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 5–94.
- Малков С. Ю., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Кузьминова Е. В. 2013.** О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности. *Полис. Политические исследования* 4: 137–162.
- Рейтер О. Д., Ганди Д. 2015.** Экономическое развитие и расколы доминантных партий. *Сравнительная политика* 6(2): 22–49.
- Abadie A. 2006.** Poverty, Political Freedom, and the Roots of Terrorism. *American Economic Review* 96(2): 50–56.
- Acemoglu D., Johnson S., A. Robinson J. 2001.** The Colonial Origins of Comparative Development. *American Economic Review* 91(5): 1369–1401.
- Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2017.** Technological Development and Protest Waves: Arab Spring as a Trigger of the Global Phase Transition? *Technological Forecasting and Social Change* 116: 316–321.
- Alesina A., Ozler S., Roubini N., Swagel P. 1996.** Political Instability and Economic Growth. *Journal of Economic Growth* 1(2): 189–211.
- Alesina A., Perotti R. 1996.** Income Distribution, Political Instability, and Investment. *European Economic Review* 40(6): 1203–1228.
- Annett A. 2001.** Social Fractionalization, Political Instability, and the Size of Government. *IMF Staff Papers*. International Monetary Fund 48(3).
- Banks A. S., Wilson K. A. 2018.** *Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem, Israel: Databanks International. URL: <http://www.databanksinternational.com>.
- Benson M., Kugler J. 1998.** Power Parity, Democracy, and the Severity of Internal Violence. *Journal of Conflict Resolution* 42(2): 196–209.
- Cattell R. 1966.** The Screen Test for the Number of Factors. *Multivariate Behavioural Research* 1(2): 245–276.

- Celestino M., Gleditsch K. 2013.** Fresh Carnations or All Thorn, no Rose? Nonviolent Campaigns and Transitions in Autocracies. *Journal of Peace Research* 50(3): 385–400.
- Center for Systemic Peace 2018.** *Coups d'Etat 1946–2017*. Vienna. VA: Center for Systemic Peace. URL: <http://www.systemicpeace.org/inscr/CSPCcoupsAnnualv2017.xls>.
- Choi H. J., Raleigh C. 2015.** Dominant Forms of Conflict in Changing Political Systems. *International Studies Quarterly* 59(1): 158–171.
- Flanigan W. H., Fogelman E. 1970.** Patterns of Political Violence in Comparative Historical Perspective. *Comparative Politics* 3(1): 1–20.
- Gleditsch N. P., Håvard H., Håvard S. 2009.** Democracy and Civil War. *Handbook of War Studies III: The Intrastate Dimension* / Ed. by I. Midarsky. Ann Arbor: University of Michigan Press. Pp. 155–192.
- Goldstone J., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustik M., Marshall M., Ulfelder J., Woodward M. 2010.** A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science* 54(1): 190–208.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2018.** *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. Dordrecht: Springer.
- Gupta D. 1990.** *The Economics of Political Violence*. New York: Praeger.
- Gurr T. R., Lichbach M. I. 1986.** Forecasting Internal Conflict: A Competitive Evaluation of Empirical Theories. *Comparative Political Studies* 19(1): 3–38.
- Haan J. de. 2007.** Political Institutions and Economic Growth Reconsidered. *Public Choice* 131: 281–292.
- Hibbs D. 1973.** *Mass Political Violence: A Cross National Causal Analysis*. New York: Wiley.
- Jong-a-Pin R. 2009.** On the Measurement of Political Instability and its Impact on Economic Growth. *European Journal of Political Economy* 25(1): 15–29.
- Klomp J., Haan J. de. 2013.** Political Regime and Human Capital: A Cross-Country Analysis. *Social Indicators Research* 111(1): 45–73.
- Korotayev A., Meshcherina K., Shishkina A. 2018.** A Wave of Global Socio-political Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis. *Democracy and Security* 14(4): 331–357.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011.** A Trap at the Escape from the Trap? *Cliodynamics* 2(2): 276–303.

- Mueller G. P. 2017.** Getting Order out of Chaos: A Mathematical Model of Political Conflict. *Russian Sociological Review* 16(4): 37–52.
- Nefedov S. A. 2015.** Debate on the Population Well-being and the Russian Revolution. *Social Evolution and History* 14(1): 116–124.
- Ortmans O., Mazzeo E., Meshcherina K., Korotayev A. 2017.** Modeling Social Pressures toward Political Instability in the United Kingdom after 1960: A Demographic Structural Analysis. *Cliodynamics* 8(2): 113–158.
- Polity IV Project. 2018.** *Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2017*. Vienna, VA: Center for Systemic Peace. URL: <http://www.cidcm.umd.edu/inscr/polity>.
- Richardson C. 2011.** *Relative Deprivation Theory in Terrorism: A Study of Higher Education and Unemployment as Predictors of Terrorism*. Senior Honors Thesis. New York: Politics Department.
- Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. 2017.** Regime Type and Political Destabilization in Cross-national Perspective: A Re-analysis. *Cross-Cultural Research* 51(1): 26–50.
- START [National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism]. 2018.** *Global Terrorism Database*. College Park, MD: National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/>.
- Svensson J. 1998.** Investment, Property Rights and Political Instability: Theory and Evidence. *European Economic Review* 42(7): 1317–1341.
- Tanter R. 1966.** Dimensions of Conflict Behavior within and between Nations, 1958–60. *Journal of Conflict Resolution* 10(1): 41–64.
- UNPD [United Nations Populations Division]. 2018.** The 2018 Revision of World Population Prospects. United Nations Population Division. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/>.
- Venieris Y., Gupta D. 1986.** Income Distribution and Sociopolitical Instability as Determinants of Savings: A Cross-sectional Model. *Journal of Political Economy* 94(4): 873–883.
- Wang T. Y., Dixon W. J., Muller M. E., Seligson M. A. 1993.** Inequality and Political Violence Revisited. *American Political Science Review* 87(4): 979–994.
- World Bank. 2018.** *World Development Indicators*. Washington, DC: The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/>.
- Weede E., Muller E. N. 1998.** Rebellion, Violence and Revolution: A Rational Choice Perspective. *Journal of Peace Research* 35(1): 43–59.